

ПРИЛОЖЕНИЕ № 4

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА ЦЕНЗОРА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ЦЕНЗУРНОГО КОМИТЕТА СТАТС-СЕКРЕТАРЯ Н. СОКОЛОВА О ЦИРКУЛЯРНЫХ РАСПОРЯЖЕНИЯХ ПО ГЛАВНОМУ УПРАВЛЕНИЮ ПО ДЕЛАМ ПЕЧАТИ С 1 СЕНТЯБРЯ 1865 ГОДА ПО 1 ЯНВАРЯ 1900 ГОДА

Общая характеристика

Закон о печати 1865 г. уже на первых порах своего существования потерпел некоторые видоизменения в смысле усиления административной власти взамен судебных преследований. <...>

Закон 1865 г. предоставил министру право делать предостережения повременным изданиям и приостанавливать их на известный срок. Уже в 1868 г. сделан был в этом направлении новый дальнейший шаг, и министру внутренних дел предоставлено право воспрещать розничную продажу повременных изданий. <...>

В 1873 г. появилась статья 140, которая вместе с ст. 149 совершенно изменила порядок, установленный законом для преследования злоупотреблений в периодической печати, ввиду того, что последствием нарушения этой статьи является применение статьи 156.

Ввиду необыкновенной важности этой статьи для всего цензурного ведомства, считаем необходимым привести мнение соединенных департаментов Государственного Совета от 19 и 29 апреля 1873 г. за № 37 при изменении первоначальной редакции этой статьи и при соображении об области ее возможного применения. «Изданием этого постановления, создающего законную основу для распоряжений, неизбежно вызываемых иногда высшими интересами государства, нисколько не стеснятся те пределы, в которых донныне предоставлялось печати обсуждать политические и общественные вопросы. Новое постановление, по самому разуму и цели его, может иметь применение лишь в обстоятельствах чрезвычайных и ред-

ких*. Нет сомнения, что органы печати, правильно понимающие призвание свое служить пользам отечества, и сами собою, без всякого принуждения, подчинялись бы в сих обстоятельствах приглашению правительства. Посему особое о сем правило и взыскание за неисполнение оногo может относиться лишь к тем, совершенно исключительным, однако, как доказывает опыт, возможным случаям, когда одно чувство долга и нравственной ответственности не удержит от опасной по своим последствиям нескромности. Предполагаемая для ограждения от подобной нескромности мера не будет отступлением и от утвердившегося у нас с 1865 г. основного начала, в силу коего правительство с отменою предварительной цензуры устраняет себя от стеснительного тяготения над сущностью высказываемых в печати мнений, преследуя в ней лишь нарушения закона, неприличные формы и явно вредное направление. Это начало сохраняется в полной силе, ибо цель и действие нового постановления будут состоять не в том, чтобы направлять суждения прессы в каком-либо определенном смысле, а только в том, чтобы в случаях особой необходимости вовсе устранять из области печатной полемики предметы, которые временно не должны подлежать гласности. Таким образом, правительство останется, как и теперь, непричастным разнообразию встречающихся в печати воззрений, и нравственная ответственность за верность печатаемых сведений, за правильность и разумность суждений, будет по-прежнему всецело лежать на самих органах печати» (Отчет по Государственному Совету 1875 г. Стр. 240—246 и приложение V, стр. 62—63).

Семидесятые годы отличались, как известно, усилением революционного брожения и озаменовались целым рядом политических процессов. Тем не менее статья 140 применялась сравнительно редко и действительно только в исключительных случаях и по вопросам государственной важности. Если сравнить число временных распоряжений на основании статьи 140 от 1873 г. до 1882 г. со всем остальным количеством циркуляров, то оно является совершенно ничтожною величиной и едва ли представляет одну 25 часть всей суммы. И, что, быть может, самое главное, все эти распоряжения всегда своевременно отменялись и обыкновенно сохраняли свою силу в течение короткого сравнительно

---

* В проекте Министерства внутренних дел статья 140 была изложена в следующей редакции: «Когда по соображениям высшего правительства найдено будет неудобным оглашение или обсуждение в печати в известное время какого-либо дела или вопроса, то...». Но соединенные департаменты Государственного Совета, «дабы не придать этой мере большего значения, чем она в действительности имеет, так как применение оной, без всякого сомнения, ограничиваться будет случаями исключительными», изменили редакцию статьи проекта, изложив ее таким образом «...оглашение или обсуждение в печати *какого-либо вопроса государственной важности*» (Журнал 19 и 29 апреля 1873 г. № 37).

времени, хотя чем ближе к 1881 году, тем тревожнее и настойчивее тон этих распоряжений, как и распоряжений по внутренней цензуре.

Событие 1 марта 1881 г. по причинам вполне понятным вызвало появление чрезвычайных и исключительных мер. На первых порах это сказалось на распоряжениях по внутренней цензуре.

Распоряжение от 24 марта 1881 г. за № 396: «Господин начальник Главного управления по делам печати признал необходимым обратить внимание Комитета вообще на необходимость в настоящее время особенно строгого отношения цензоров к исполнению возложенных на них обязанностей. Многие даже из тех недосмотров и цензурных промахов, которые до 1 марта были оставлены без последствий, при существующих условиях и настроении общества могут повести к серьезной ответственности. В особенности ныне представляется необходимым, чтобы ни одна статья бесцензурных изданий, чем-либо выдающаяся и могущая обратить на себя внимание правительства и произвести более или менее сильное впечатление на читателей, не проходила без доклада о ней господину министру внутренних дел, хотя бы по ней, по мнению цензора, и не настояло необходимости принятия каких-либо мер взыскания. В этих видах начальник Главного управления по делам печати считает нужным подтвердить распоряжение о доставлении к нему подобных статей непременно в день их напечатания и по возможности как можно ранее».

Распоряжение от 22 мая 1881 г. за № 2082: «Требование книг в библиотеках и кабинетах для чтения доказывает, что всего более читаются политические журналы крайнего направления. Поэтому журналы эти должны обращать на себя особенное внимание цензуры. Репутациею издания преимущественно тенденционного давно пользуется подцензурный журнал „Дело“, перешедший в последнее время в распоряжение господина Шелгунова. Вследствие сего предлагаю цензору, под наблюдением которого состоит журнал „Дело“, относиться к нему с особою строгостью и не допускать к печати таких статей, в которых, хотя бы и с крайнею осторожностью, проводятся вредные идеи социализма, или атеизма, или вообще противоправительственное направление. Последняя книга этого журнала далеко не может быть названа безупречною в цензурном отношении». <...>

От 23 мая 1881 г. за № 764: «По распоряжению начальства имею честь предложить цензорам не допускать к печатанию статей, в коих изображаются народные волнения или приводятся сцены из событий революционных. Равным образом не допускать к печати произведений беллетристических, относящихся до изображения жизни и действий нигилистической партии».

15 сентября 1882 г. объявлено постановление Комитета министров, высочайше утвержденное от 27 августа того же года, в отмену некоторых из действовавших постановлений. Это именно примечание к ста-

ть 144-й, примечание к статье 148-й и статья 135-я ныне действующего Цензурного устава. С этого периода применение статьи 140-й становится гораздо чаще, статья приобретает распространительное значение, и чем дальше от тревожного времени начала 80-х годов, чем спокойнее и сдержаннее становятся общество и печать, тем чаще она применяется и тем незначительнее поводы ее применения.

Можно отметить следующие особенности в применении статьи 140-й за этот период времени:

1. Отмена временных распоряжений бывает только в виде очень редкого исключения.

2. В тексте распоряжений опускаются слова «по распоряжению министра внутренних дел», так что распоряжение идет как бы от Главного управления по делам печати, которому не предоставлено право применять статью 140-ю. Кроме того, Главное управление часто «покорнейше просит» не касаться того или другого вопроса, что свидетельствует о своеобразных отношениях к повременной печати, несогласных с законом.

3. Очень многие распоряжения выходят без ссылки на статью 140-ю, а только со ссылкой на статью 156-ю, то есть назначают наказание не за то преступление, которое карается на основании статьи 156-й. Едва ли возможно отнести это на счет сокращенной и неудовлетворительной редакции этих распоряжений, ибо здесь сплошь и рядом статья 140-я действительно неприменима, так как дело идет отнюдь не о вопросах государственной важности. Иногда же совсем нет ссылок ни на ту, ни на другую статью. Само собою понятно, что на самом деле в глазах редакторов повременных изданий эти распоряжения имеют точно такую же силу, как и распоряжение строго законной формы.

4. На основании статьи 140-й часто устраняются из обсуждения не вопросы государственной важности, а ведомства, учреждения и комиссии. Так, многочисленными распоряжениями свобода суждения ограничена по отношению:

- 1) к суждениям в Государственном Совете;
- 2) к дирекции Императорских театров;
- 3) к деятельности Министерства путей сообщения, главным образом, в области железнодорожного дела;
- 4) к Комитету Сибирской железной дороги;
- 5) к банкротствам и деятельности некоторых банков и крупных промышленных учреждений;
- 6) к Императорской Академии художеств;
- 7) к особому совещанию по вопросу о понижении выкупных платежей;
- 8) к увеличению состава московской сыскной полиции;
- 9) к совещаниям по сельскохозяйственным вопросам управляющего Министерством государственных имуществ;

- 10) к совещанию по делам дворянского сословия;
- 11) к Императорскому Московскому скаковому обществу;
- 12) к агентам, входящим в состав иностранного у нас представительства;
- 13) к администрации Санкт-Петербургского Воспитательного дома;
- 14) к Московскому училищу живописи и ваяния;
- 15) к Императорскому обществу поощрения художеств
- и 16) к почтово-телеграфным учреждениям.

Очевидно, что эти распоряжения противоречат точному смыслу статьи 140-й, которая говорит о *вопросах* государственной важности, а не о ведомствах и учреждениях.

5. Слишком часто, в противность закону, устраняется обсуждение тех или других частных дел, то есть практикуется именно то, что Государственный Совет выкинул из первоначального проекта этой статьи, и таким образом появляется огромное число распоряжений по делам, отнюдь не имеющим государственного значения. Ниже нами отмечены, между прочим, такие циркуляры, как ничего не говорить о речах, могущих быть произнесенными на совершенно товарищеском обеде, или о болезни некоторых сановников, ибо они сами читают газеты и подобные газетные известия могут их тревожить.

6. Много распоряжений издано в прямое нарушение других статей Цензурного устава и вообще действующих законоположений. В своем месте нами отмечены все подобные отступления от закона. Здесь же скажем только, что чаще всего нарушались статьи 75, 76, 77, 78 и 79 Цензурного устава, при изъятии судебных дел из обсуждения печати.

7. 140 статья, по точному смыслу своему оправдывающая издание только временных мер, послужила основанием для появления постоянных, не отмененных, не отменяемых и едва ли подлежащих отмене правил в руководство печати, другими словами, основанием для новых законов о печати, отчасти в дополнение, отчасти в отмену ныне действующего Цензурного устава. В пример этого укажем на распоряжения по военному ведомству. В Цензурном уставе существует только незначительное и случайное упоминание о военном ведомстве в статье 113. Тем не менее уже больше 20 лет существуют и не отменены правила: ничего не говорить о дислокации и передвижении войск, о наших военных приготовлениях, о боевой готовности, о внутренней жизни отдельных войсковых частей. Кроме того, организация специально военной цензуры и определение сферы деятельности военного цензора пошли исключительно на циркулярах. В законе ни малейшего упоминания об этих в высшей степени серьезных и существенных правилах нет. Основанием для них послужила только статья 140. То же самое можно сказать, например, о таких распоряжениях, как: ничего не говорить о внутренней жизни учебных заведений как духовных, так и светских,

не печатать коллективных заявлений, не печатать самостоятельных стенографических отчетов по делам о государственных преступлениях, не печатать никаких сведений об арестах по политическим делам, не печатать никаких сведений о политических преступниках, не печатать никаких сведений о лицах, исполняющих смертные приговоры над преступниками, не печатать неблагоприятных известий относительно кредитоспособности и состоятельности торгово-промышленных лиц и учреждений, не печатать никаких сведений о передвижении наших судов и морских команд на Черном море, не печатать никаких сведений о беспорядках на фабриках и заводах и об отношении рабочих к хозяевам, не печатать слухов о различных назначениях и перемещениях по государственной службе и о перемещениях в личном составе высших государственных чинов, не печатать сообщений о беспорядках в высших учебных заведениях и т.п. Таким образом, рядом с Цензурным уставом и независимо от него, а иногда и в противность ему появилась целая система распоряжений, имеющих на практике значение действующего законодательства, хотя эти распоряжения законодательной санкции не имеют и совершенно неправильно обоснованы на статье 140.

Другим доказательством того, что на практике эти распоряжения отменили силу и применение статей Цензурного устава, служит то удивительное обстоятельство, что существуют десятки распоряжений, почти слово в слово повторяющих ту или другую статью Цензурного устава. Особенно это можно сказать про распоряжения, применительно к статье 73-й, об оглашении в печати сочинений и статей, касающихся особы Государя Императора и членов Императорской фамилии, или, например, о статье 82-й. Постоянное повторение этих циркуляров свидетельствует о том, что статьи Цензурного устава неизвестны редакторам и издателям, а известны лишь циркуляры, что практической надобности в знании Цензурного устава нет, что до известной степени он вышел из употребления и имеет значение лишь под условием подтверждения циркулярами. На практике можно встретить немало доказательств того, что дело стоит именно так.

Таким образом, за последний период времени с 1882 г. мы видим постепенное уклонение от основных принципов закона 1865 г. и появление совершенно новых порядков и правил, в законе для себя не имеющих основания. <...>

Примечания

Николай Матвеевич Соколов (1860–1908) — писатель, переводчик, в 1896–1908 гг. — цензор С.-Петербургского цензурного комитета.

Фрагмент документа печатается по: РГИА. Ф. 777. Оп. 5. Д. 205. Л. 1–48 об.